

С.И. Кормилов

«И счастье я могу постигнуть на земле...»

<...>

Со спокойной рассудительностью говорит Лермонтов о любви к родине в стихотворении 1841 года. Еще за десять лет до того Лермонтов писал: «...я родину люблю / И больше многих...» («Я видел тень блаженства; но вполне...»). Теперь он начинает стихотворение «**Родина**» с утверждения, в котором звучит возражение тем, кто сомневается в его любви к отчизне. Официальная народность отталкивает поэта, особенно ему чужда после собственного военного опыта слишком дорогая слава, он уже не идеализирует прошлое, как в эпических произведениях, открывших ему путь в литературу, — в «Бородине» и «Песне про царя Ивана Васильевича...», хотя новая, без патетики, любовь к родине еще непривычна, Лермонтов сам называет такую любовь «странною». В стихотворении две контрастные темы, из которых первая (тема официальной России) дается в традиционных поэтических формулах: «Слава, купленная кровью», «Темной старины заветные преданья». В первых шести стихах преобладают слова обобщающие или отвлеченные («отчизна», «рассудок», «слава»), затем — географические и топографические обозначения и лишь потом более конкретная и приземленная лексика.

Во второй части вместе с темой русской деревни в стих сплошным потоком вступают прозаизмы, не препятствующие, однако, сохранению изначальной торжественной интонации (впрочем, существенно менее торжественной, чем в произведениях «ораторского» стиля); используемые прозаизмы — вещи из быта, прямо названные, охарактеризованные то логическими определениями (спаленная жнива, ночующий обоз), то резкой, единичной деталью (с резными ставнями окно). Но оболочка «нагого» слова вбирает в себя всю эмоциональность, всю идеологическую значительность темы русской деревни, русской природы, подготовленную работой общественной мысли над проблемой народности, подготовленную Пушкиным.

Познакомившись с текстом «Родины», Белинский писал В.П. Боткину 13 марта 1841 года о Лермонтове: «Если будет напечатана его “Родина”, — то, аллах-керим, — что за вещь — пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских». Стихотворение напоминало то место из «Путешествия Онегина», где говорилось об идеале простой жизни и, сопровождаемый легкой насмешкой автора, звучал «пьяный топот трепака / Перед порогом кабака». У Лермонтова нет никакой насмешки, а есть как бы добрая улыбка, без всякой снисходительности он пишет про рассудительный «говор пьяных мужичков». Ориентация на Пушкина несомненна (вплоть до перехода в пределах одного предложения от вольного, преимущественно 6- и 5-стопного ямба к ровному 4-стопному, когда началась пушкинская тема), но лермонтовский подход шире: образ крестьянской России рисуется даже «без подчеркивания особо привлекательных, «теплых» черт («ее степей холодное молчанье», «дрожащие огни печальных деревень» — наряду с «полным гумном» и другими отрадными приметами сельского достатка). С романтической поэтикой «Родину» объединяет разве что выражение «пронзая ночи тень», здесь тема, сама по себе высокая, реализуется обыденными словами. «Родина» открыла в отечественной литературе новую традицию — лирического раздумья о родине, сопряженного с образами русской деревни и природы.

Что касается автора, то в его устах четырежды звучит слово «люблю» и один раз «любовь», есть и фактические их синонимы: «С отрадой многим незнакомой», «Смотреть до полночи готов». И только две негативных эмоции, да и те в одной фразе, сливающиеся в одну: «Встречать по сторонам, *вздыхая* о ночлеге, / Дрожащие огни *печальных* деревень». Причем, оказывается, автор и это любит. Деревни печальные, да свои, русские,

о ночлеге человек вздыхает, но в деревне его найдет. «Родина» — уникальный образец чистого, не осложненного никакой отвлеченной рефлексией, никакой теорией, почти никакой литературщиной приятия наличной, родной жизни — такой, какова она есть. И вместе с тем это приятие глубоко поэтическое. Оно много обещало в дальнейшем. Но был уже 1841 год.

<...>